

На правах рукописи

МАРТИШИНА Наталья Евгеньевна

003057570

**Проблема культурообразующей функции языка
в русской общественной мысли
конца XIX – начала XX вв.**

Специальность – 24.00.01 – теория и история культуры
(культурология)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата культурологии

Москва - 2007

Работа выполнена на кафедре права и культурологии гуманитарного факультета
Московского института коммунального хозяйства и строительства

Научный руководитель: доктор исторических наук,
профессор, академик РАЕН
Бледный Сергей Николаевич

Официальные оппоненты:

доктор философских наук,
профессор
Пономарёва Галина Михайловна

кандидат культурологии, доцент
Брусенцова Наталья Владимировна

Ведущая организация: Московский государственный
лингвистический университет

Защита состоится « 16 » 04 2007 г. в 15 часов на заседании
Диссертационного совета Д 212. 154. 14. при Московском педагогическом
государственном университете по адресу: 117571, г. Москва, проспект
Вернадского, д. 88, ауд. 826 -а

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке университета по
адресу: 119992, г. Москва, ул. М. Пироговская, д. 1.

Автореферат разослан « 14 » 03 2007 г.
Учёный секретарь
Диссертационного совета Горяинова О.И.

I. Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования определяется несколькими моментами.

Во-первых, в контексте модернизационных процессов, переживаемых современной Россией, особое значение имеет объективный анализ предшествующей культурно-исторической традиции. Это даёт возможность лучше понять архетипические основания русской культуры, до сих пор оказывающие существенное влияние на мотивационные и поведенческие стратегии россиян, а также более полно реконструировать особенности национального менталитета, укоренённые в языке, нашедшие своё яркое проявление в творчестве русской интеллигенции конца XIX – начала XX вв. и обусловившие характерные признаки русской культурософии данного периода.

Во-вторых, в рамках современного кризиса культурной идентичности большой интерес представляет вопрос о механизмах сохранения культурной традиции, в которых язык выступает одним из важнейших каналов консервации, фиксации и трансляции этнонационального культурно-исторического опыта. В этом плане исследования культуuroобразующей и культуросохраняющей функции языка, которыми занимались некоторые представители русской общественно-политической мысли конца XIX – начала XX вв., обладают особой значимостью и могут быть востребованы в рамках таких новых научных направлений, как культурология языка, когнитивная лингвистика, социолингвистика, этнопсихолингвистика, лингвокультурология.

В-третьих, при нарастании современных глобализационных процессов особое значение приобретает изучение национально-культурной специфики дискурса, отражающей особенности русского культурного пространства. Сегодня человек и его язык, а также связи человека и языка с другими системами бытия стали приоритетными объектами научного знания.

В данном контексте многие идеи выделенных нами мыслителей, убеждённых, что язык является не только и не столько отражением действительности, сколько способом организации как самой действительности, так и человеческого общества и культуры, а также эффективным средством управления поведением индивида и различных социокультурных групп, представляют собой огромный интерес и выраженную познавательную и научную ценность. Диссертационный анализ закономерностей функционирования языка в обществе, которые обосновывались в трудах П.А. Флоренского, В.В. Розанова, Н.С. Трубецкого, В.М. Бехтерева и А.А. Богданова, позволит глубже понять, что необходимо для того, чтобы язык смог эффективно осуществлять свою организационную культурную функцию.

Цели и задачи исследования. Цель данного исследования – проанализировать особенности понимания культуuroобразующей функции языка в русской общественно-политической мысли конца XIX – начала XX вв.

Достижение указанной цели предполагает решение следующих **задач**: выявить образы языка, существующие в русской культуре конца XIX – начала XX вв., и проследить специфику их экспликации в культурософской традиции славянофильского толка;

- рассмотреть образ языка как «дома бытия духа» в теории мистического диалога Павла Флоренского;
- проанализировать образ языка как сферы внешней и внутренней коммуникации в культурософии Василия Розанова;
- исследовать идеократическое понимание языка и его манипулятивную функцию в интерпретации Н.С. Трубецкого, В.М. Бехтерева и А.А. Богданова.

Объектом исследования является культурософское направление русской общественно-политической мысли конца XIX – начала XX вв., укоренённое в славянофильской традиции.

Предметом исследования выступает культурообразующая функция языка в наиболее интересной трактовке таких мыслителей, как П.А. Флоренский, В.В. Розанов, Н.С. Трубецкой, В.М. Бехтерев, А. А. Богданов.

Методология исследования. Работа строится как междисциплинарное исследование с использованием системно-структурного, герменевтического, историко-типологического, семиотического, компаративистского методов. На формирование авторской концепции повлияли общетеоретические работы отечественных и зарубежных культурологов, философов, искусствоведов и филологов: Е. Арндта, М. Н. Афасижева, Г.С. Батищева, М.М. Бахтина, В.С. Библера, М. Л. Гаспарова, М.Н. Громова, Г.С. Кнабе, А.Ф. Лосева, Ю.М. Лотмана, В.М. Межуева, Н. А. Хренова. Интеграционный характер работы обусловил необходимость использования исследований в рамках смежных областей знания: литературоведения, лингвистики, семиотики, общего языкознания (Н.И. Безлепкин, А.И. Вербицкий, Г.Д. Гачев, В.М. Гуминский, В.В. Красных, В.И. Мельник, В.М. Петров, А. Н. Портнов, Г.Г. Почепцов, Ю.С. Степанов, В. Н. Топоров, Б. Л. Успенский).

Степень изученности проблемы. Вопрос о степени изученности такой сложной и комплексной проблемы как проблема культурообразующей функции языка в русской общественно-политической мысли конца XIX – начала XX вв. можно рассматривать с учётом нескольких аспектов.

Лингвистическая сторона этого вопроса исследовалась в трудах Ф.Ф. Фортунатова, И. А. Бодуэн де Куртенэ, В.В. Виноградова, В.Г. Гака, С.О. Карцевского, А.М. Пешковского, Е.Д. Поливанова, Р.О. Якобсона, В.Н. Ярцева и других.

Социально-психологические и когнитивные основания культурообразующей функции языка осмысливались в трудах Н.И. Безлепкина, В.В. Виноградова, Л.С. Выготского, Б.М. Гаспарова, Г.И. Горунова, В.В. Красных, А.Н. Леонтьева, М.Н. Морозовой, В.Ф. Петренко, В.И. Постоваловой, С.Л. Рубинштейна, Ю.С. Степанова, Г.П. Щедровицкого, Д.Б. Эльконина.

Исследование причин своеобразия различных языков и их влияния на культурную специфику наиболее интересно представлено в трудах В.М. Абея, В.В. Виноградова, В.В. Красных, М.П. Красько, А.Ф. Лосева, Ю.М. Лотмана, Г.П. Мельникова, В.М. Розина, Н.С. Розова, В.М. Петрова, В.М. Усольцева.

Антропоцентрический принцип, предполагающий соединение языка и бытия человека в одном поле познания, анализируется в трудах С.С. Аверинцева, Н.И. Безлепкина, П.С. Волковой, М.Л. Гаспарова, Л.А. Микешиной, А.Н. Портнова, Ю.С. Степанова, И.В. Харитоновой, Л.В. Щербы.

Культурологический аспект исследования языка представлен в работах С.С. Аверинцева, М.Ш. Бонфельда, А. Вежибкой, М.Л. Гаспарова, Н.И. Жинкина, С.М. Даниэля, Вяч. Вс. Иванова, А.Ф. Лосева, Ю.М. Лотмана, А.Н. Михальской, Г.М. Николаева, И.В. Пешкова, Ю.В. Рождественского, В.Н. Телия, В.Н. Топорова, Б.А. Успенского, Т.В. Цивьян.

Однако, далеко не все идеи, высказанные выделенными нами мыслителями (П.А. Флоренским, В.В. Розановым, Н.С. Трубецким, В.М. Бехтеревым, А.А. Богдановым) в области понимания культуuroобразующей функции языка, были восприняты современниками и последующими поколениями исследователей из-за того, что некоторые открытия были необъективно и превратно истолкованы, а отдельные положения не нашли подтверждения из-за отсутствия адекватной методологии. Поэтому одной из главных задач данной диссертации была реконструкция взглядов вышеназванных мыслителей на вопрос о взаимовлиянии языка и культуры как непротиворечивой концептуальной целостности.

Большинство из выбранных нами мыслителей изучалось в общем плане их философских (или, как в случае с Н.С. Трубецким, – специально-научных) рефлексий. Вопросы взаимодействия языка и культуры в их творчестве оставались в тени, уходили на второй план. Характерное же для указанных авторов понимание языка как изначальной характеристики бытия человека в мире, задающей горизонты процессов смыслополагания и существования культуры, в отечественной литературе почти не исследовалось.

«Проблеме языка, его связи с природой человека, его сознанием, познанием, поведением крупно не повезло в нашей философии советского периода»,¹⁾ – совершенно справедливо подчёркивает А.Н. Портнов. Ситуация мало изменилась и сегодня. В основном анализируются культурософские идеи и метафизика в целом выделенных нами русских мыслителей, но почти нет работ, где их идеи рассматривались бы в культурологическом ключе.

Данная диссертация пытается восполнить указанный пробел.

Научная новизна исследования определяется проблематикой и системным культурологическим подходом к исследованию культуuroобразующей функции языка в культурософском направлении русской общественно-политической мысли конца XIX – начала XX вв.

Осуществлён анализ проекций культурологического подхода к языку в область решения вопроса о его коммуникативном, манипулятивном, медиативном, идеократическом использовании через систему внедрения «заразительных идей» (В.М. Бехтерев), «идей-правительниц» (Н.С. Трубецкой),

1) Портнов А.Н. Язык и сознание: основные парадигмы исследования проблемы в философии XIX – XX вв. Иваново, 1994. С. 6

«идеократических моделей», «лингвистической аскезы» (А.А. Богданов), а также диалоговых моделей (П.А. Флоренский, В.В. Розанов).

Прослежено влияние полипарадигмальных установок (среди которых основное внимание уделено рефлексии славянофильских и неославянофильских подходов к изучению соотношения языка и культуры) на формирование базовых исследовательских стратегий культуропорождающей функции языка в русской общественно-политической мысли конца XIX – начала XX вв. Выявлены и описаны особенности трактовки дискурсивных практик в русской «словесности» и их позиционирование в качестве специфических «голосов» и «новых языков» (В.В. Розанов). Показано значение идей П.А. Флоренского, В.В. Розанова, Н.С. Трубецкого, В.М. Бехтерева, А.А. Богданова для становления таких современных направлений развития науки о языке, как лингвокультурология и культурология языка.

Положения, выносимые на защиту

1. Внимание к проблемам культурообразующей функции языка в культурософском направлении русской общественно-политической мысли конца XIX – начала XX вв. было обусловлено следующими моментами. Во-первых, кризисными явлениями в российском социуме этого периода и поиском новой социокультурной идентичности, что требовало осознания роли и места языка в данном процессе. Во-вторых, в этот период на историческую арену выходили огромные массы людей, семиотический, речевой опыт которых не был изучен и абсолютно не учитывался в контексте социокультурного развития России. «Давление» народа, вызвавшее, по словам В.В. Розанова, «кризис общения» в сильно дифференцированном в результате модернизационных воздействий русском обществе, требовало анализа возможных неконфликтных форм коммуникации и способов управления массами с помощью языковых («идеологических») воздействий. Для этого было необходимо решить вопрос об обусловленности особенностей народного менталитета и национально-этнической культуры языком. В-третьих, в конце XIX – начале XX вв. «те пласты и уровни бытия, которые некогда вовсе исключались из сферы опыта или же вытеснялись на его периферию, выявились теперь во всей своей качественной самобытности и тем самым потребовали переосмысления границ и критериев понимания самого разума»,¹⁾ самих принципов классической рациональности. Всё это обусловило необходимость в рефлексии не только соотношения языка и сознания, но и языка и бессознательного, культурно-архетипического. На первый план вышла проблема социально-психологических, когнитивных, социокультурных контекстов бытия языка, в которых язык проявлялся как «среда культуры», комплементарная по отношению к объективной реальности.

2. Осмысление указанных проблем в русской общественно-политической мысли конца XIX – начала XX вв. носило полипарадигмальный и выраженный межпредметный характер. Кроме того, особенностью рассматриваемых нами

¹⁾ Автономова Н.С. Рассудок, разум, рациональность. М., 1987. С. 214

подходов к исследованию культуuroобразующей функции языка в данный период была установка не столько на его строго научное изучение, сколько на его широкую экспликацию прежде всего в антропологическом и культурно-историческом аспектах. С учётом сказанного в диссертации обосновано наличие в исследуемом нами культурософском направлении русской общественно-политической мысли конца XIX – начала XX вв. нескольких исследовательских стратегий: онтогносеологической (теория мистического диалога П.А. Флоренского); феноменолого-экзистенциальной с Я-центрированным подходом (теория В.В. Розанова); антропо-коммуникативной (концепция Н.С. Трубецкого); деятельностно-интерактивной (теории В.М. Бехтерева и А.А. Богданова).

3. Исследование языка в рамках русской общественно-политической мысли конца XIX – начала XX вв. шло по двум направлениям: формально-семиотическому и культуuroлогическому.¹⁾ С нашей точки зрения, культуuroлогическое рассмотрение языка в анализируемых в диссертации концепциях П.А. Флоренского, В.В. Розанова, Н.С. Трубецкого, В.М. Бехтерева, А.А. Богданова характеризовалось не только его объяснением в первую очередь как явления культуры, но и его трактовкой прежде всего в идио-этническом плане, то есть как некоей реально существующей знаковой системы, используемой в определённом социокультурном пространстве. Поэтому язык и не позиционировался как отвлечённое явление, а всегда связывался с конкретной культуuro-исторической средой своего носителя. Смыслы языка определялись этой средой и не могли быть установлены вне временного, культуuro-исторического контекста. Именно это давало языку возможность быть выразителем смыслов бытия народа, народного духа и выступать в своей культуuroобразующей ипостаси.

4. С другой стороны, культуuroлогический подход к языку, развиваемый в трудах П.А. Флоренского, В.В. Розанова, Н.С. Трубецкого, В.М. Бехтерева, А.А. Богданова обусловил трактовку языка как средства вторичного создания мира, объективированного в «иной» форме. Во «втором мире языка» бытие человека уравнивалось со всеми иными формами бытия и определяло, обуславливало их. Время и пространство культуuroй картины мира позволяло языку выполнять различные «роли», в зависимости от того, что он выражал: качества, действия или отношения. При таком подходе культуuroобразующая функция языка в трактовке исследуемых в данной работе авторов выступала как сложное, амбивалентное явление, сопряжённое прежде всего с коммуникативными, манипулятивными, идеократическими экспликациями. В данном контексте язык понимался чрезвычайно широко – как любая семиотическая система.

5. Утверждавшийся (во многом благодаря исследованиям П.А. Флоренского, В.В. Розанова, Н.С. Трубецкого, В.М. Бехтерева, А.А. Богданова) в русской общественно-политической мысли конца XIX – начала XX вв. образ

¹⁾ Почепцов Г.Г. История русской семиотики. М., 1998. С. 194

языка как «пространства мысли и дома духа»¹⁾ где формируются, кодируются, сохраняются и транслируются социокультурный опыт того или иного этноса и основания его социокультурной идентичности, позволил указанным русским мыслителям не только впервые выйти на проблему дискурсивных практик (язык в языке), но и разносторонне исследовать обратное влияние языка на культурозначимые поведенческие и мотивационные стратегии различных групп индивидов в российском социуме. Изучение культурообразующей функции языка в трудах П.А. Флоренского, В.В. Розанова, Н.С. Трубецкого, В.М. Бехтерева, А.А. Богданова) способствовало обоснованию такого понимания языка, где он выступал в первую очередь средством выражения и создания любого возможного (альтернативного) мира. Именно такой ракурс исследования языка закрепился сегодня в новых направлениях его исследования – культурологии языка и лингвокультурологии. Главной целью этой области знания считается «выявление «повседневной» культурно-языковой компетенции субъектов лингвокультурного общества на основе культурных коннотаций, соотносимых с концептуальным содержанием языковых знаков различных типов и воспроизводимых вместе с ними в процессе употребления языка, и тем самым несущих сведения о совокупной идентичности культурно-языкового самосознания как части общекультурного менталитета социума.²⁾

Научно-практическая значимость исследования

Результаты исследования позволяют расширить область изучения теории и истории культурологической мысли в России за счёт такого значимого направления как культурология языка.

Научные выводы работы могут служить основанием для дальнейших исследований культурософского направления русской общественно-политической мысли России конца XIX – начала XX вв. Диссертационное исследование вносит вклад в развитие представлений о тех образах языка, которые были сформированы русской культурой в данный период.

Материалы диссертации могут быть использованы в образовательном процессе в курсах культурологии, истории культурологических учений, истории русской культуры, а также в спецкурсах, при подготовке учебных пособий, при составлении хрестоматий и антологий русской культурологической мысли.

Апробация работы

Диссертация была обсуждена, одобрена и рекомендована к защите на заседании кафедры права и культурологии гуманитарного факультета

¹⁾ Степанов Ю.С. Изменчивый «образ языка» в науке XX века // Язык и наука конца 20 века. М., 1995. С.30

²⁾ Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры.// Фразеология в контексте культуры. М., 1999. С.24

Московского института коммунального хозяйства и строительства. Основные положения диссертации опубликованы в научных статьях общим объёмом 4.6 п.л. и представлены в докладах на конференциях: «Н.С. Трубецкой и мировая культура». – Москва, ЛГУ, март 2003г.; «Россия перед лицом Запада: вопросы межкультурного диалога». – Иваново, ИГТУ, декабрь 2003г.; «Русская и зарубежная литература: история и современные проблемы развития».- Тверь, ТГУ, октябрь 2004г.; «На рубеже эпох: стиль жизни и парадигмы культуры». – Москва, МГОПУ, март 2004г.; «Глинские Чтения». – Сергиев Посад, МДА, июнь 2005г.; «Гуманизм в российской культуре XXI века». – Сергиев Посад, май 2006 г. Основные результаты исследования излагались автором в курсах «Культурология» и «История литературы».

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, включающих четыре параграфа, заключения и списка литературы.

II. Основное содержание работы

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, анализируется степень разработанности проблемы, формулируются цель и задачи диссертации, указываются методологические принципы анализа, источники, обосновывается новизна, формулируются положения, выносимые на защиту, раскрывается теоретическая и практическая значимость работы.

Первая глава «Язык и вопросы культурной коммуникации» посвящена реконструкции образов языка, сложившихся в русской общественно-политической мысли конца XIX – начала XX вв.

В **первом параграфе «Язык как дом бытия духа: теория мистического диалога в культурософии Павла Флоренского»** обосновывается вывод, согласно которому определяющее значение для экспликации культурообразующей функции языка в данный период времени имела славянофильская традиция, переосмысленная в духе исихазма, софиологии, имеславия, евразийства.

В рамках этой традиции язык понимался не столько как рационализированная структура, сколько как «диа-логос», призванный способствовать осознанию людьми полноты человеческого существования через интеллигибельную сопряжённость с сакральными пластами бытия. Утверждение образа языка как среды и средства коммуникации способствовало его пониманию в первую очередь как речи. Причём, речь разворачивалась и в пространстве повседневной жизни, и в метафизическом пространстве мистического диалога, исследованием которого на всём протяжении своего творчества занимался П.А. Флоренский.

В диссертации подчёркивается, что понимание П.А. Флоренским языка как «дома бытия духа» строится на единстве тесно связанных принципов: принципа тождества бытия и мышления, принципа онтологизма, принципа иерархии бытия и смысла, принципа диалектической связи явленного и неявленного.

Теория мистического диалога Павла Флоренского была нацелена против картезианского рационализма как основной парадигмы европейской

культурной традиции и на возврат человеку всего богатства его личного опыта. У П.А. Флоренского реальность открывается в диалогической обращённости к индивиду и утверждается в его поступках. Мистический диалог в данном контексте требует не созерцания и рационализирующей отстранённости, а «слова и дела». Человек не имеет реальности в умозрительных суждениях о ней, также как не имеет Бога в объекте веры, религиозного переживания: Бог – это сила, требующая от человека слова, заставляющая его говорить, овладевая реальностью в потоке говорения как богосообразного дела.

С другой стороны, когда разворачивается процесс говорения как объективация богатства человеческого опыта, актуализируется высшее назначение речи: она становится конкретной «энергией Духа», полем творческой реализации индивида. Поэтому, как справедливо отмечает К. Гардинер, у П. А. Флоренского «то, что религии называют «духом»..., есть просто высшая форма речи, присущая человечеству в целом и каждому человеку в отдельности...»¹⁾

При таком понимании любой момент речи не может быть завершён без ответа: логос есть произнесённое слово, требующее того, чтобы его услышали. Божественный же Логос не только творит мир, но и удерживает его от распада. Творение, таким образом, есть воплощаемое и воплощённое слово.

В теории мистического диалога П.А. Флоренского сказанное, произнесённое слово магично: оно воспринимается как внеположная человеку «энергичная» сила, обуславливающая мистическую коммуникацию с божеством через феномен филателии и вселенской Любви. Слово Любви, обращённое к каждому лицу как «ты», по П.А. Флоренскому, заставляет человека осознать себя как субъект, как «я», чтобы затем объективно понять себя как «он». Эта диалогическая активность отражает сосуществование трёх лиц в языке, одновременно являясь отражением присутствия трёх Лиц в Троице.

У П.А. Флоренского существование языка как в пространстве культурно-исторической реальности, так и в пространстве трансцендентального бытия актуализируется в единстве трёх его форм: имени, слова, символа.

Подробное исследование учения Павла Флоренского об имени, слове, символе в контексте его теории мистической коммуникации позволило диссертанту показать, что имя олицетворяет собой энергию сущности вещи и несёт на себе мифологические, символические, культурные, интеллигибельные, личностные функции. Сопряжение человека с именем трактуется в культурософии П.А. Флоренского как творческий потенциал индивида, обуславливающий его символическую деятельность и лежащий в основе культуры.

Существование языка в форме символа у П.А. Флоренского олицетворяет антиномичность бытия, диалектику Логоса и Хаоса. Антиномизм

1) Гардинер К. Между Востоком и Западом. Возрождение даров русской души. М., 1993. С.64-65

символа – отражение противоречий самой человеческой природы, которые проявляются в строении человека (усийное и ипостасное начала), в его жизни, в характеристике духовного типа личности (имя, лик, род, психологический тип), в соотношении человека и мира (макрокосм и микрокосм), в строении культуры (горнее, долнее), в мировоззренческой (вера, наука, философия) и хозяйственной (культура и природа) деятельности человека.

Слово в культурософии Павла Флоренского также антиномично, как и символ. Оно «сводит» человека с реальностью и метареальностью через и посредством субъективного волевого акта сознания, утверждаясь как ставшее становящееся, устойчиво-неустойчивый феномен.

Диссертант подчёркивает, что при этом П.А. Флоренский отрицает свойственную формалистическому и психологическому направлениям в отечественной философии языка проблему тождества языка и мышления, рассматривая её как проблему тождества имени и сущности.

С его точки зрения, единство имени, слова, символа в языке обуславливает «жизнетворчество», которое и есть культура. Это – способ существования, нацеленный на всеохватное переживание жизненного материала, делающий всю доступную полноту бытия предметом духовной работы. Результатом «жизнетворчества» становится мифологема («легенда»), принадлежащая к сфере всеобщего, но облекаемая в конкретно-личностную форму культурно-исторического опыта.

Данная установка позволяет говорить о том, что концепция языка П.А. Флоренского не столько традиционная философия языка, сколько его «культурология»: язык понимается мыслителем чрезвычайно расширительно – как любая смысловая выраженность, часто не имеющая вербальной воплощённости. Это всё, что может быть «знаком внутреннею». Движение языка в пространстве культуры должно быть сопряжено, по П.А. Флоренскому, со всё большим отграничением смысла от бессмыслицы, с отбрасыванием всего, что искажает реальность и не представляет собой сущности познаваемого предмета или явления. Самовыявление сущности в языке делает процесс познания основной стратегией культуры, основной целью культурного бытия человека. При этом сутью познания является не открытие неких отвлечённых законов, но представление реальности в виде имён, слов и символов, из которых складывается вся картина мира. Поэтому язык и обладает у П.А. Флоренского таким высоким статусом: он даёт ключи к бытию духа, к пониманию культурной картины мира, к модусам его описания.

Во втором параграфе «Речь как самовыражение и внутренняя коммуникация в произведениях Василия Розанова» подчёркивается, что в отличие от П.А. Флоренского В.В. Розанова интересовала в первую очередь автокоммуникация, связанная с формами самополагания и самовыражения личности. Он относился к слову как ко всеобщему творческому принципу, а к языку как к стихии общения. В общении человек участвует всю жизнь духом, душой, телом, «полом». Слово, речь, общение определяют «перспективу» человека, его возможность сопрягаться с иными культурами,

предшествующими и последующими поколениями. Они обуславливают (в числе других факторов) жизненный путь индивида в его повседневном опыте от рождения до смерти.

Основная функция языка связана, по В.В. Розанову, с тем, что он помогает человеку «вслушиваться» в самого себя: «Я» оформлено речью, творится ею. Выразить «Я» – значит «схватить» внутреннюю речь как процесс рождения смысла внутри человеческого сознания.

В диссертации подчёркивается, что В.В. Розанов одним из первых осознал, что речь не только сообщает человеку о нём самом, но и творит его, точно так же, как она творит социокультурную реальность, означивая мир определённым образом.

Язык понимается В.В. Розановым как сложнейшая ценностная система, обуславливающая и тип культуры (их В.В. Розанов выделял три – «классический», «христианский», «американский»), и тип человека, и динамику культурных форм. Квинтэссенцией самоосознания и саморепрезентации культуры и человека является литература – пространство игр языка в синхронном и диахронном аспектах.

Диссертант показывает, что В.В. Розанов отстаивает синкретический взгляд на бытие языка в культуре, полагая, что современной «смерти языка» должна быть противопоставлена его трактовка как «слепок мира», где язык ещё не отделён от человека в качестве «объекта», а включает его как свою неотъемлемую живую часть. Имя в таком языке не репрезентирует вещь, не означает её, а само является вещью, вплетаясь в паутину повседневной жизни. Имя не замещает мир, но несёт его в себе, что выводит метафору и аллгорию на самую вершину смысловых иерархий В.В.Розанова. Данная установка обусловила обращение мыслителя к сравнительному анализу толкования языка в христианской и языческой культурных парадигмах, итогом чего стало обоснование розановской программы «оживления» языка и его «оживотворения». По В.В. Розанову, языку необходимо вернуть «молитвенность», «интимность», «подлинность»: только тогда возможна реанимация особого доверия к языку, с которой мыслителем связывалось возрождение европейской и отечественной культур на путях внедрения элементов восточного язычества с его «естественностью и космизмом», зафиксированными в «следах» языка.

Язык должен был восстановить свою способность «прикасаться к миру, обонять, осязать его», сохраняя присущую ему наглядность и конкретность.

Основная цель В.В. Розанова – вернуть язык в «телесность бытия», лишив его умозрительности. Только в этом случае он будет соответствовать своему культурному предназначению – выражать целостность человека, его боль и надежду как реального, живого, страдающего, саморефлексирующего существа. Розановская программа возрождения «подлинности» языка должна была снять отчуждение между означаемым и означающим и привести к формированию нового культурного семиозиса, построенного на стихии естественного, целостного чувства. Диссертант показывает, что «новый язык»

В.В. Розанова существует, по сути, как чисто феноменологическое описание, осуществляемое с позиции предельного отстранения, игнорирования традиционных проблем и «болевых точек» «цивилизованного бытия». Мыслитель видит в языке не столько механизм выработки значений, сколько речевой поток, где происходит истолкование движения слов в истории, культуре, жизни отдельного человека.

В культурософии В.В. Розанова культуропорождающая функция языка рассматривается в первую очередь как функция риторическая, стилеобразующая: становление новых риторических фигур и речевых стилей трактуется мыслителем как средство формирования новой культурной реальности. Данная реальность воплощается, по В.В. Розанову, в нескольких доминантных формах: в «философской», «литературной», «научной» и «исторической». Эти формы сопряжены с новыми дискурсами, со становлением новых риторических стилей и способов аргументации.

Подробное исследование данных феноменов позволило диссертанту показать, что культурообразующая функция языка понималась В.В. Розановым прежде всего как обеспечение перехода на позиции вдохновляющего иррационализма, актуализирующего живой мир культуры как единое постоянно меняющееся неформализованное и ненормированное целое.

В отличие от сторонников языкового минимализма и языковой аскезы В.В. Розанов развивал подходы, характерные для языкового миссионизма и языкового солипсизма. У В.В. Розанова язык одновременно выражает идеи и устанавливает отношения и связи определённого характера, которые «изнутри» самих этих связей почти невозможно разрушить. Данная «принудительность» языка рассматривается В.В. Розановым как его способность прорываться сквозь «трещины» человеческого рассудка и выражать интуитивно-явленное, подсознательное, запретное, невыразимое.

В данном случае корректно говорить не столько о языке, сколько о «духе языка», который наделяется мыслителем мистической жизненной силой и несёт в себе иллюзию возможности достижения идеальных отношений в рамках возникающих новых опытов проживания и переживания жизни человеком.

Попытка «отелеснения» языка Розановым была направлена, с точки зрения диссертанта, на переакцентировку смыслов: он хотел видеть не результаты (понятия) и процедуры означивания (рациональное мышление и логические способы аргументации), а сам процесс порождения смыслов в момент речения. В.В. Розанова интересует иной уровень связей, отражённых языком и в языке: это ассоциативные, метонимические, «экзистенциальные», «феноменологические», «мифологические» и т.п. связи. Выраженное таким образом содержание задаёт только пространство для размышления и автокоммуникации, не навязывая ни миру, ни человеку означенное как некую самоочевидную данность. В новом культурном семиозисе В.В. Розанова связь означаемого и означающего подвижна и неочевидна: они то и дело меняются местами, не сливаясь и не растворяясь друг в друге. Данный процесс никогда не прекращается и длится столько, сколько длится сама человеческая жизнь.

Поэтому у В.В. Розанова любой текст (и вся культура в целом) принципиально открыт, незавершён. Предметом понимания выступает не означающее, но и не означаемое, а сам переход от одного к другому, который каждый раз зависит от того, кто воспринимает текст, кто коммуницирует, кто находится в пространстве автокоммуникации. Именно отсюда, с точки зрения диссертанта, проистекает знаменитый розановский полифонизм, его лингвистический идеализм и попытки создания «экзистенциальной феноменологии языка» (– термин А. Кроун).

Во второй главе «Язык в пространстве культурной истории» констатируется, что если для П.А. Флоренского и В.В. Розанова наибольшим значением обладали общетеоретические проблемы исследования языка в пространстве культурной коммуникации, то в работах Н.С. Трубецкого, В.М. Бехтерева и А.А. Богданова на первый план выходят вопросы конкретных форм функционирования языка в рамках русской национальной культурной истории.

В первом параграфе «Язык и проблемы развития национальной культуры в трудах Николая Трубецкого» отмечается, что под культурой данный мыслитель понимает самодостаточный организм, обретающий свою целостность благодаря наличию определённого психотипа, закреплённого и выраженного в языке. Носителем этого психотипа является этнос, создающий данную культуру и пребывающий в ней.

В диссертации подчёркивается, что Н.С. Трубецкой был сторонником психолингвистического параллелизма и отстаивал принцип изоморфизма языка и культуры. Попытка снятия внутреннего противоречия данного принципа привела Н.С. Трубецкого к созданию учения о культуре как живой, развивающейся «личности», системная целостность которой зависит от сохранения её структурной определённости.

Важнейшим структурным элементом культуры является, по Н.С. Трубецкому, язык, обуславливающий её историческую и смысловую идентичность. Накопление качественных изменений в языке приводит к переструктурированию культуры, что повышает или понижает её адаптивный потенциал. Контроль за динамикой языка у Н.С. Трубецкого осуществляет «правлящий отбор» – элита, которая сохраняет и развивает рафинированный, литературный, письменный язык, являющийся хранилищем глубинных смыслов бытия народа и его культуры. Именно «правлящий отбор», объединённый особым мирозерцанием, образует «идеократию», основной функцией которой становится обоснование и распространение доминантной национальной идеи, выраженной в языке – «идеи-правительницы».

Диссертант подчёркивает, что как структурный элемент культуры язык у Н.С. Трубецкого содержит в себе матрицы символических интерпретаций. Именно это обеспечивает особый идеократический потенциал языка: он имеет дело одновременно и с социокультурными инвариантами, и с системами их варьирования. «Матричность» языка связана с его культуропорождающей функцией: обеспечивая процесс культурного декодирования и перекодирования, язык создаёт семантическое пространство, в котором

устанавливаются взаимосвязи и взаимовлияния различных текстов, сообщений, традиций как внутри культур, так и в пространстве их взаимодействия.

Способом сохранения национальной самобытности в данном случае является сильная языковая политика, сопряжённая с целенаправленной языфикацией, «языковой интервенцией».

Динамика культурно-языковых комплексов описывается Н.С. Трубецким как единство конвергентных и дивергентных процессов, подчиняющихся единству логических и исторических закономерностей.

В диссертации подробно исследуются идеи Н.С. Трубецкого о «языковых ареалах», «языковой радиации», «языковых союзах», «символическом лексиконе» и отмечается, что именно эти идеи лежат в основе его концепции языковых механизмов культурно-исторического синтеза и культурно-лингвистических трансформаций. С точки зрения диссертанта, принцип ареального соседства Н.С. Трубецкого объясняет механизмы языковой дивергенции, дающие толчок для формирования единых культурных зон: индостанской, тихоокеанской, степной, мусульманской и т.п. В данном контексте русская культура обладает особым статусом «межнаходимости», зафиксированным и на уровне территориальной межзональности, и на уровне господства новой «идеи-правительницы». Утверждение новой «идеи-правительницы», стимулирующей становление новой культурной идентичности, связывается Н.С. Трубецким с процессом переозначивания национально-исторического опыта, зафиксированного в «безъязыком языке» (фольклоре), с преодолением билингвизма и языковых заимствований, с развитием нового семиозиса русской культуры. Данный семиозис теснейшим образом связан с достижением «чистоты» русского языка, с изживанием исторически сложившихся конкурирующих между собой семантических пластов русского общественного сознания. Утверждение «единомыслия» должно было, по Н.С. Трубецкому, обеспечить силу русского этноса в новых условиях социокультурной переходности. Проведённое диссертантом исследование показало, что «единомыслие» было следствием реализации идеократической функции языка, так как именно язык в культурософии Николая Трубецкого должен был создать новые смысловые контексты, синтезируя языковые эпифеномены, выработанные субэтносами Евразии, и порождая новый опыт отношения к социокультурной реальности.

Во втором параграфе «Идеократическая функция языка в культурно-исторической психологии Владимира Бехтерева и в тектологии Александра Богданова» основное внимание сосредоточено на проблеме использования языка в процессе социокультурного управления народом.

В диссертации отмечается, что идеократическая функция языка рассматривалась В.М. Бехтеревым и А.А. Богдановым как основание системной организации социально-политического и социально-культурного взаимодействия нового типа. При этом В.М. Бехтерев трактовал язык как символический рефлекс, а А.А. Богданов – как символическую деятельность.

На основе изучения разработанной В.М. Бехтеревым теории заразительных идей делается вывод о том, что основное внимание учёного было сосредоточено на конфликтогенной природе языка и его потенциальной опасности. В.М. Бехтерев исследовал язык в первую очередь как способ управления сознанием индивидов, влияющий на систему их ценностей.

Для В.М. Бехтерева слово выступает как эффективный медиатор, коммуникатор и манипулятор. Оно обретает свою сущность, только обретая интердиктивную функцию. В этом процессе наблюдаются и упорядочивание мира, и референция вещей, и возможность управления индивидом через приписываемые словам значения, смыслы, статусы. Данный феномен, по В.М. Бехтереву, может способствовать «отолплению» массы и латентному управлению ею. Диссертант подчёркивает, что В.М. Бехтерев впервые вышел на проблему коммуникативной дистанции, которая необходима для превращения взаимодействия в манипуляцию, впервые ввёл в употребление термины «достаточное общение» и «предел общения». Манипулятивное управление массами с помощью языка, по В.М. Бехтереву, предполагает сознательное искажение семантических уровней его употребления, изменение границ семантических означиваний (сеток). Именно в этом случае идеократическая функция языка раскрывается в полной мере: наблюдается культурно-языковая дивергенция, ведущая к образованию динамических социальных групп, нацеленных на реализацию конвенционально значимых идей и программируемую смену социокультурных условий бытия.

Диссертант подчёркивает, что у А.А. Богданова, в отличие от В.М. Бехтерева, манипулятивная функция языка сопрягается с явлением полисемии. А.А. Богданов трактовал язык как архитектурный каркас социокультурного бытия, обуславливающий политико-идеологическую доминанту. С его точки зрения, существование языка в духовной сфере общества протекает в форме слова, символа, догмы, идеологии, идеи.

Подробно охарактеризовав каждую из указанных «форм» языка, диссертант приходит к выводу о том, что в тектологии А.А. Богданова язык обладает свойствами «предпредиката»: он задаёт ракурс рассмотрения сущего, наличного бытия, ту точку зрения, с которой культурно-исторический факт воспринимается не таким, каков он есть на самом деле, а таким, каким его хочет понять и репрезентировать. Язык понимается А.А. Богдановым как форма корреляции взаимосвязей между миром, субъектом и системами их означивания. В данном контексте для А.А. Богданова особый интерес представляют вопросы исторического развития языка.

В диссертации подробно прослеживается влияние на А.А. Богданова идей русских формалистов в вопросах трактовки пралогического мышления и «праязыка». Учение А.А. Богданова о «праязыке» позволило ему экстраполировать свойства дологического мышления на будущий семиозис нового общества. «Новая культура» должна была, по А.А. Богданову, создаваться на основе отказа от полисемии и внедрения «регулярного» языка, сопряжённого с минимизацией опыта и стандартизацией мышления.

Примитивизация и архаизация языка рассматриваются мыслителем в качестве эффективного средства достижения единой вненациональной формы социокультурного взаимодействия и утверждения непротиворечивого «обеднённого» семиозиса. Единый общечеловеческий «новояз» А.А. Богданова должен был привести к созданию социокультурной реальности нового типа, где вариативность и интерпретативность полностью исключаются, а «разномыслие» в принципе невозможно.

Подробное исследование данных идей позволило диссертанту сделать вывод о том, что в идеократической утопии А.А. Богданова «лингвистическая аскеза» привела не только к созданию репрессивной идеологии единомыслия, но и к регрессу в сторону магического мышления, которое не знает противоречий. Слово в тектологии А.А. Богданова выступает как самый эффективный механизм снятия всех реальных диссонансов и трудностей, как орудие моделирования нового программируемого опыта через предзаданность «монизма понятий». В данном случае культуропорождающая функция языка оборачивается его деструктивной, культуроупражняющей функцией.

В заключении подводятся итоги диссертационного исследования и формулируются необходимые выводы.

Основные положения диссертации изложены в публикациях:

1. Мартишина Н.Е. Язык как «дом бытия духа» в культурософии Павла Флоренского. // Вопросы культурологии. №1. 2007. – С.27-28. (статья 0,5 п.л.)
2. Мартишина Н.Е. Язык и «символический словарь» культуры в философии Николая Трубецкого. // Актуальные проблемы развития социо-гуманитарного знания. Сборник научных статей.–Орёл. Изд-во «Рось-ОГУ»,2005.– С.119-126. (статья 0,5 п.л.)
3. Мартишина Н.Е. «Вызовы» языка Василия Розанова // Культурология: проблемы и решения. Сборник науч. статей.–Орёл. Изд-во«Росстани»,2006.–С.41-58.(статья 0,7 п.л.)
4. Мартишина Н.Е. Проблемы идеократической функции языка в российской общественно-политической мысли начала XX века. // Гуманитарные и социально-экономические науки. Сборник научных статей. - М.: «Экслибрис-Пресс», 2006.- С.95-100. (статья 0,4 п.л.)
5. Мартишина Н.Е. Формирование историко-культурологических взглядов Н.С. Трубецкого. // Гуманитарные и социально-экономические науки. Сборник научных статей. - М.: «Экслибрис-Пресс», 2006.- С.101-107. (статья 0,5 п.л.)
6. Мартишина Н.Е. Пассиогенность как качественная характеристика событий и явлений в историческом времени и социокультурном пространстве // Университетские чтения: Сборник статей. - М.:«МАКС Пресс», 2005.– Вып.10. С. 20-26. (статья 0,5 п.л.)
7. Мартишина Н.Е. Пассиогенные явления и язык: лингвистические формы пассиогенных явлений; пассиогенный потенциал языка и слова // Университетские чтения: Сборник статей. - М.:«МАКС Пресс»,2006.– Вып.11.С.20-24.(статья 0,4 п.л.)
8. Мартишина Н.Е. Язык как модель потребного будущего // Университетские чтения: Сборник статей. - М.:«МАКС Пресс», 2006.– Вып.11. С.24-28. (статья 0,4 п.л.)
9. Мартишина Н.Е. Язык как доминанта культуры эпохи гуманизма. Труды Центрального института управления и экономики туристского бизнеса – филиала РМАТ.– Сергиев Посад. Издание РМАТ. 2006. – Выпуск 10. С.22-31. (статья 0,7 п.л.)

Март

Подп. к печ. 07.03.2007 Объем 1 п.л. Заказ №. 57 Тир 100 экз.

Типография МПГУ